

ИСКРЫ В ПЕПЛЕ

СКРЫТОЕ ПЛАМЯ

СМИРНОВА АНАСТАСИЯ

18+

Анастасия Смирнова

Искры в пепле: скрытое пламя.

<https://litres.ru/74093473>

SelfPub; 2026

Аннотация

Элиана сбежала от власти, от дворцовых интриг и от того, кто был ей дороже жизни. Она думала, что нашла спасение в хаосе Межгорода, среди дыма, шума и безразличия миллионов. Здесь она — просто травница, женщина без прошлого, живущая от рассвета до заката.

Но судьба распорядилась иначе. В ее чреве бьется сердце, в котором кровь эльфийской целительницы смешалась с магией Небесного лорда. Она носит в себе тайну, способную разрушить хрупкий мир, который она так отчаянно пытается построить.

Теперь ее главная битва — не за короны и престолы, а за тихий сон своего ребенка. В мире, где за каждым углом ждет опасность, а золото дракона может стать проклятием, Элиане предстоит узнать: можно ли спрятать пламя, которое стремится вырваться наружу, и сможет ли она выжить, когда прошлое, наконец, настигнет её?

Содержание

Пролог. Дыхание зимы.	4
Глава 1. Цена милосердия и запах хвои.	12
Глава 2. Чай с привкусом стали.	26
Глава 3. Верхний ярус и анатомия доверия.	43
Глава 4. Анатомия ожидания и костный бульон.	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Искры в пепле: скрытое пламя.

Пролог. Дыхание зимы.

Межгород никогда не спал по-настоящему, но в ту глухую зимнюю ночь он словно замер, напряженно прислушиваясь к собственному аритмичному, большому сердцебиению.

Элиана лежала в полубреду, болезненно свернувшись калачиком под тонким шерстяным одеялом на узкой, жесткой кровати. В крошечной камерке за лавкой стоял могильный холод — колючий лед с промерзшей крыши уже начал пробираться сквозь щели в кирпичной кладке, превращая воздух в помещении в едкую, ледяную взвесь. Каждый вдох обжигал легкие. Но истинный, пугающий дискомфорт таился не снаружи. Она кожей чувствовала, как внутри нее, в самом сакральном центре ее существа, непрерывно шла борьба. Это была не просто тяжелая беременность изгнанницы; это было физическое столкновение двух непримиримых первородных стихий, которые, казалось, яростно отказывались уживаться в одном хрупком теле.

Малыш — она всем своим эльфийским естеством чувствовала его, эту тяжелую, пульсирующую золотую искру — мгновенно реагировал на любое ее внутреннее волнение.

Стоило ей лишь вздрогнуть от скрипа половицы или испугаться стука шагов на ночной улице, как низ живота начинал обжигающе пылать, словно внутри ее лона раздували кузнечные меха и разгорался настоящий магматический очаг.

Элиана до хруста стиснула зубы и прижала ледяные ладони к пересохшим губам, подавляя рвущийся наружу всхлип. Одиночество больше не было просто отсутствием кого-то рядом. Оно мутировалось в осязаемую, бетонную тяжесть, безжалостно давящую на грудную клетку. У нее больше не было ни мудрых советов сестер-травниц, ни заботливых, теплых рук клановых повитух. Только она, ее парализующие страхи и надвигающаяся леденящая неизвестность.

— Пожалуйста, — отчаянно прошептала она в стылую темноту, обращаясь то ли к глухим богам Серебряного Леса, то ли к тому гордому дракону, который сейчас полновластно правил Пиком на Юге. — Не дай ему быть таким уязвимым, как я. Пусть он будет сильнее. Пусть он никого не боится.

Именно в этот момент за заиндевевшим окном, в узком, заваленном гниющими ящиками переулке, отчетливо слышался глухой, влажный удар плоти о камень и сдавленный, полный боли мужской стон.

Элиана замерла, перестав дышать. В криминальном Межгороде пьяные крики и поножовщина были такой же обыденностью, как и серый снег; местных с детства учили игнорировать этот шум ради сохранения собственной жизни. Но этот конкретный звук был иным. Он был наполнен такой

безнадежной, глухой усталостью загнанного зверя, что внутри эльфийки дрогнула туго натянутая струна эмпатии.

Она с трудом поднялась. Резко заняла перегруженная поясница. Накинув тяжелый, грубый суконный плащ прямо поверх тонкой льняной ночной рубашки, она на цыпочках подошла к окну и ногтем соскребла толстый слой морозного узора со стекла.

В тусклом, мерцающем свете разбитого масляного фонаря она увидела грузного человека, тяжело привалившегося спиной к каменной стене ее лавки. На нем был дорогой, но в клочья изрубленный кожаный доспех, с краев которого прямо на грязный снег густо капала темная, дымящаяся на морозе жидкость. Его левая рука висела вдоль туловища под неестественным, жутким углом. Незнакомец судорожно хватал ртом ледяной воздух и дрожащими, непослушными пальцами здоровой руки пытался достать из-за широкого пояса какой-то плотный сверток.

Элиана прекрасно знала: открыть щеколду сейчас — значит грубо нарушить свое главное, выстраданное правило выживания. *«Никого не впускать после заката. Никому не помогать сверх оплаченной меры».*

Но когда раненый с хрипом осел на промерзшую брусчатку, а из глубины переулка бесшумными тенями вынырнули еще двое — в надвинутых на глаза капюшонах, с усеянными шипами дубинками и холодным, хищным блеском стали в руках, — она поняла, что больше не может просто стоять

и смотреть. Если они хладнокровно выпотрошат его прямо под ее деревянными ставнями, кровь неизбежно впитается в порог, а патрульные караульные Межгорода без долгих разбирательств объявят ее соучастницей убийства и бросят в долговую тюрьму.

Она схватила с комода тяжелый, литой латунный подсвечник, судорожно выдохнула, вбирая в легкие колючий воздух, и с громким, металлическим лязгом откинула засов.

— Эй! — ее голос, на удивление звонкий и твердый, разрезал вязкую ночную тишину, как лезвие бритвы. — Пошли вон отсюда, или я спущу цепных псов!

Наемники резко затормозили и медленно обернулись. В их водянистых глазах не было и тени страха, лишь ленивое, предвкушающее удивление стервятников, нашедших вторую жертву.

— Вали обратно к своим сушеным веникам, ушастая, — плотоядно прорычал тот, что был крупнее, поигрывая дубинкой и делая широкий, уверенный шаг прямо к ее крыльцу. — Это не твое дело. Закрой дверь, пока я не зашел внутрь и не переломал тебе ноги.

Элиана инстинктивно отшатнулась, и в ту же долю секунды почувствовала, как ребенок внутри нее отозвался резким, неконтролируемым спазмом. Обжигающий жар в животе вспыхнул с такой силой, что у нее перехватило дыхание. Инстинктивно она положила свободную ладонь на живот, словно пытаясь успокоить малыша, но вдруг ощутила

немыслимый импульс — как будто чистая, концентрированная магма метнулась от ее чрева по венам прямо к кончикам пальцев. Тепло ребенка вырвалось наружу, перетекая сквозь ее плоть в морозный воздух.

На одно короткое, ослепительное мгновение перед порогом лавки с оглушительным треском вспыхнула полупрозрачная золотая завеса. Воздух мгновенно перегрелся, запахло паленым снегом, озоном и серой. Элиана даже не успела понять, что произошло, но наемники вдруг с диким воплем отшатнулись назад. Они побросали оружие и в панике закрыли лица руками, срывая с себя тлеющие плащи, словно прямо перед ними из-под земли выросла стена ревущего драконьего пламени.

— Я сказала, уходите! — снова выкрикнула Элиана, и в ее сорванном голосе неожиданно прорезались двойные, вибрирующие обертоны. Прозвучало что-то древнее. Что-то властное и непререкаемое. Что-то абсолютно драконье.

Головорезы, спотыкаясь о собственные ноги и скуля от ужаса, бросились прочь во тьму переулка, поскользываясь на обледенелой брусчатке.

Элиана осталась стоять на пороге в распахнутых дверях, хватая ртом морозный воздух. Медная ручка подсвечника выскользнула из ее ослабевших пальцев. Она ошеломленно посмотрела на свои ладони. Они мелко дрожали, а на подушечках пальцев все еще зловеще искрились, потрескивая, крошечные золотые пылинки, которые спустя секунду рас-

таяли без следа.

Это была не ее магия. Это малыш защищал свою мать.

Она перевела растерянный взгляд вниз, на раненого. Мужчина был уже без сознания, его голова безвольно откинулась на камни, но широкая грудь все еще медленно, с хрипом поднималась.

— Ну вот, — горько прошептала она, чувствуя, как на глаза наворачиваются горячие слезы физического и морального бессилия. — Ты нашла себе неприятности, Элиана. Ты официально впустила в свой дом самые большие неприятности в этом проклятом городе.

Она спустилась на одну ступеньку, ухватила незнакомца под мышки. Его куртка была скользкой от густой, пахнущей железом крови. Он оказался пугающе тяжелым, непривычно массивным и мускулистым для обычного человека. Закусив до крови губу от острой, стреляющей боли в пояснице и упираясь ногами в дверной косяк, она сантиметр за сантиметром поволокла его внутрь лавки.

Это была первая ночь, когда стерильная тишина ее убежища была безвозвратно разрушена чужим, хриплым дыханием. Она еще не догадывалась, что этот истекающий кровью человек на ее пороге станет для нее точкой невозврата. Первым шагом в новую, смертельно опасную жизнь, где ее прошлое и настоящее с грохотом столкнутся, а скрывать свою «золотую» тайну от Межгорода станет абсолютно невозможно.

Тяжелая, обитая железом дубовая дверь наконец с усилием захлопнулась, отсекая пронзительный вой ледяного ветра. Межгород снова остался там, снаружи — со своим вечным шумом, грязным снегом и абсолютным безразличием к чужим жизням.

В тускло освещенной камерке воцарилась относительная тишина. Элиана дрожащими руками задвинула тяжелый металлический засов до упора, прижалась к двери затылком и медленно, без сил сползла по ней на пол, пачкая подол плаща в натекшей с раненого крови.

Ее сердце колотилось где-то в горле. *«Нельзя перенапрягаться. Мне нельзя волноваться»*, — мысленно, как мантру, заклинала она саму себя, бережно и крепко обхватывая руками округлившийся живот. Она закрыла глаза и послала внутрь мягкую, прохладную волну эльфийского умиротворения. Крошечный дракон внутри нее, испуганный и разбуженный резким выбросом силы, почувствовав ласку матери, наконец начал успокаиваться. Агрессивный, обжигающий жар в глубине чрева постепенно свернулся клубком и сменился привычным, ровным и убаюкивающим теплом.

Кое-как поднявшись на затекшие ноги, Элиана посмотрела на мужчину, бесформенной грудой распластанного на полу ее безупречно чистой приемной. Из глубоких разрезов на его боку пульсирующими толчками сочилась темная, почти черная в полумраке кровь, заливая вымытые деревянные доски. Времени на панику и сожаления больше не оста-

валось.

Глаза эльфийки сузились, движения стали резкими и точными. В ней проснулся целитель — та ее древняя, непоколебимая часть, которую не смогли уничтожить ни подлое предательство родного клана, ни испепеляющая холодность Небесного лорда.

Глава 1. Цена милосердия и запах хвои.

Перетащить истекающего кровью незнакомца на узкую, скрипучую кушетку в дальнем углу лавки оказалось едва ли не самым изматывающим физическим испытанием за все последние месяцы. Мужчина был пугающе крупным, невероятно тяжелым и широкоплечим. От его намокшей одежды густо несло подвальной сыростью, крепким дешевым табаком и резким, солоноватым запахом застарелого железа — запахом чужой и собственной крови. Элиане приходилось двигаться мучительно медленно, стиснув зубы и выверяя каждый шаг, чтобы не надорвать спину. Наставления старых повитух из Серебряного леса, которые она когда-то слышала лишь мельком, теперь всплывали в памяти тревожными набатами: *«Не поднимай тяжелого, береги плод, эльфийское дитя так хрупко»*

Но дитя, сокрытое под ее сердцем, не было просто эльфийским. Ощущая, как предательски ноет перегруженная поясница, Элиана упрямо тянула бессознательного раненого за плечи куртки. В самые тяжелые, пиковые секунды, когда руки готовы были разжаться от бессилия, ей казалось, что малыш внутри словно приходил на помощь. По уставшим мышцам матери разливалась короткая, сухая волна обжига-

ющего жара, дарящая неестественный прилив сил и позволяющая завершить начатое.

Когда тяжелое тело незнакомца наконец с глухим стуком опустилось на продавленный матрас кушетки, Элиана без сил рухнула на деревянный табурет рядом. Зимние сумерки за окном окончательно сгустились, превратившись в глухую, черную ночь.

Дрожащими пальцами она чиркнула кресалом, зажигая тусклую масляную лампу, и, глубоко выдохнув, принялась за работу. Тяжелыми портновскими ножницами она аккуратно срезала присохшую, пропитанную кровью ткань льняной рубахи. На бледной груди и мускулистом боку мужчины зияли две глубокие, рваные раны — характерные следы широких наемничьих кинжалов. К счастью, внутренние органы задеты не были: лезвие скользнуло по ребрам, но потеря крови оставалась критической. К тому же его левое предплечье было явно сломано — оно неестественно выгнулось и налилось багрово-синей гематомой.

Элиана работала машинально, зашивая края плоти уверенными стежками, но мысли ее витали бесконечно далеко от окровавленных игл и бинтов. Ее изнутри заживо грыз страх. Самый обычный, приземленный, липкий и удушающий страх слабой женщины, которой вскоре предстоит остаться один на один с младенцем.

«Во имя Праматери, зачем я впустила его? — панически думала она, щедро промывая рану антисептическим рас-

твором из календулы и горького корня. — У меня почти не осталось запасов лечебной мази. Завтра ровно в полдень нужно платить гному за аренду. Дров — всего на два нетопленных дня. Если этот человек умрет здесь до рассвета, стража Нижнего рынка без разговоров заколотит лавку. А если он выживет кто он такой вообще? Бандит с большой дороги? Беглый каторжник?»

Она внимательнее посмотрела на его лицо. Избавившись от въевшейся грязи и корки запекшейся крови, оно оказалось на удивление молодым, хотя и пугающе суровым. Резкие, словно вытесанные из гранита скулы, упрямый квадратный подбородок, густо поросший жесткой многодневной щетиной, и глубокий, старый шрам, косо пересекающий левую бровь. Этот человек разительно отличался от утонченных, изнеженных эльфов или безупречно-величественных драконов Юга. В нем крылась грубая, первобытная, земная сила — сила существа, привыкшего зубами выгрызать каждый глоток воздуха в этом паршивом, безжалостном городе.

Когда последняя тугая повязка была надежно закреплена на груди, а сломанная кость вправлена и зафиксирована в жестком лубке, за заледеневшим окном уже брезжил серый, безрадостный и мутный рассвет Межгорода. Из кирпичных труб соседних мануфактур повалил тяжелый, удушливый сизый дым, оседающий на крышах едкой копотью.

Элиана, прихрамывая, подошла к чугунной печи. Бросив полный тоски взгляд на полупустой дровяной ящик, она с тя-

желым вздохом опустила в прожорливую топку предпоследнее березовое полено. Подвальный холод незаметно пробирался под слои шерстяной одежды, заставляя суставы предательски ныть. Физическая боль мешалась с тотальным психологическим истощением. Она так чудовищно устала быть сильной. Ей до дрожи хотелось просто закрыть глаза, свернуться в клубок и укрыться теплым, непробиваемым крылом.

Она резко, мотанием головы оборвала эту предательскую мысль. Никаких крыльев больше не будет. Только она и этот промерзший каменный подвал.

В этот самый момент со стороны кушетки донеслось тихое, хриплое поскрипывание пружин. Незнакомец шевельнулся.

Элиана тут же подошла ближе, инстинктивно пряча перепачканные кровью руки под шалью и слегка прикрывая локтями свой округлившийся живот — свою самую главную, самую уязвимую тайну.

Мужчина с трудом разлепил веки. Глаза у него оказались странного, холодного стального оттенка, точь-в-точь как зимнее небо над Межгородом. Несколько секунд он тупо, невидяще смотрел в дощатый потолок, пытаясь осознать, где находится, а затем его мутный взгляд резко сфокусировался на фигуре Элианы. Мышцы наемника напряглись, он попытался дернуться, чтобы встать, но тут же со свистом втянул воздух сквозь зубы и застонал, хватаясь здоровой правой рукой за туго перебинтованный бок.

— Не двигайтесь, — тихо, но стальным, непререкаемым тоном сказала она на общем диалекте. — Если швы сейчас разойдутся, я не стану зашивать вас заново. У меня банально заканчиваются шелковые нити.

Мужчина покорно замер, тяжело и часто дыша. Он насто-роженно обвел взглядом полутемную комнату: развешанные под потолком пучки сушеных лесных трав, стройные ряды склянок на полках, простую, грубо сколоченную деревянную мебель.

— Травница — его голос звучал сипло, словно он долго глотал битое стекло и песок. — Те двое?

— Ушли. Вы у меня в лавке, на Нижнем рынке. На вас сейчас буквально живого места нет, так что лежите смирно.

Он медленно закрыл глаза, на мгновение расслабляясь, отпуская внутреннюю пружину.

— Как тебя зовут, спасительница?

— Это не имеет никакого значения, — сухо отрезала Элиана. Переизбыток искренности и откровений в Межгороде часто карался смертью. — Как только сможете уверенно стоять на ногах, вы уйдете. А пока я налью вам горячего отвара.

Она отвернулась к раскаленной плите, чтобы налить в глиняную кружку крепкий настой шиповника и коры белой ивы, отлично снимающий жар. Её движения из-за тяжести в пояснице были слегка неуклюжими, переваливающимися. Когда она с кружкой в руках повернулась обратно, то сразу заметила, что незнакомец внимательно, не мигая, смотрит на

её фигуру. На то, как простое шерстяное платье недвусмысленно обтягивает её заметный, пятимесячный живот.

В его колючих стальных глазах не было ни капли угрозы или похоти — лишь странное, болезненное понимание и едва заметная, горькая жалость, от которой гордой эльфийке нестерпимо захотелось сжаться в комок.

— Беременная эльфийка на Нижнем рынке — негромко, почти про себя пробормотал он, осторожно принимая из её подрагивающих рук горячую кружку. Широкая ладонь мужчины была сплошь покрыта жесткими мозолями от рукояти меча, но он постарался взять посуду предельно аккуратно, чтобы даже случайно не задеть её тонкие пальцы. — Да уж. Похоже, у нас обоих жизнь на каком-то этапе свернула сильно не туда.

— Пейте, — буркнула она, резко отворачиваясь к столу и чувствуя, как к горлу предательски подкатывает глупая, детская обида на весь белый свет и парализующий страх перед грядущим.

— Меня зовут Гаррет, — донеслось ей в напряженную спину вместе с шумным звуком горячего глотка. — И я не останусь в долгу, хозяйка. Даже если тебе сейчас кажется, что от такого побитого пса, как я, нет абсолютно никакого толку.

Элиана ничего не ответила, с остервенением начав перебирать за столиком увядшие листья перечной мяты. Но впервые за долгие, беспросветные месяцы в её ледяной, забро-

шенной каморке, помимо запаха горьких лекарств и пыли, появилось что-то еще. Какое-то новое, едва уловимое человеческое присутствие, которое почему-то пугало её даже сильнее, чем все вооруженные наемники Межгорода вместе взятые.

«Беременная эльфийка на Нижнем рынке».

Элиана яростно, до скрипа камня растирала сухие листья мяты в ступке, хотя они уже давно превратились в мельчайшую зеленую пыль. Фраза наемника крутилась в голове, как заевшая пластинка старого граммофона. Звучало это как начало крайне скверного анекдота — из тех сальных баек, что пьяные красноносые гномы, гогоча, рассказывают друг другу в дешевых тавернах портового квартала.

Но смеяться почему-то совершенно не хотелось. Хотелось осесть прямо на этот грязный, ледяной пол, обхватить голову руками и разрыдаться, воя в голос от отчаяния, бессилия и хронической усталости.

Она резко остановилась, тяжело опершись влажными ладонями о столешницу, и низко опустила голову. Эльфийская безупречная грация? Какая злая нелепость. По утрам ей приходилось неуклюже скатываться с узкой кровати, как выброшенному на берег тюленю, потому что смещенный центр тяжести и ноющая спина превращали любой подъем в сложный акробатический трюк. А хваленая многовековая эльфийская выдержка давала глубокую трещину каждый проклятый раз, когда она видела грабительский ценник на связку дров у

местного торговца.

— Ты так протрешь дыру в этой миске, травница, — раздался с кушетки хриплый, насмешливый голос Гаррета.

Она резко, как от пощечины, вскинула голову. Наемник лежал с закрытыми глазами, но, очевидно, внимательно контролировал слухом каждый ее тяжелый вздох.

— Это каменная ступка, а не миска. И я пытаюсь приготовить лекарство, которое, возможно, спасет вас от неизбежного заражения крови, — огрызнулась Элиана, мысленно ругая себя за этот эмоциональный срыв.

Она не должна была злиться на него. Она злилась исключительно на себя. На свою ничтожную слабость. На то, что сумела выжить в ледяных пустошах Севера, перехитрила гениального алхимика-интригана, спасла свой народ от вымирания и голыми руками обезвредила магическую бомбу, способную расколоть континент а теперь стояла здесь, парализованная жалким, паническим страхом перед визитом толстого домовладельца.

Гном Торвальд должен был прийти за ежемесячной платой ровно к полудню. У Элианы было ровно три серебряные монеты. Аренда каморки стоила пять.

Она тяжело сглотнула подкативший к горлу колючий ком и на ватных ногах подошла к маленькой деревянной шкатулке на полке, где хранились ее более чем скудные сбережения. Откинула скрипучую крышку. Горстка затертых медяков и три сиротливых серебряника тускло, издевательски блесну-

ли в желтом свете лампы.

Психологическая пропасть, на самом краю которой она балансировала все последние недели, внезапно стала абсолютно осязаемой. Элиана смотрела на эти холодные кружочки металла и ясно видела в них свой смертный приговор. Остаться без крыши над головой в разгар зимы, с беззащитным младенцем под сердцем, в городе, где за теплый угол могут легко перерезать глотку... Это был конец.

Малыш внутри нее, словно безошибочно почувствовав ледяную волну материнского отчаяния, недовольно и сильно толкнулся. И снова, как это неизменно бывало в моменты ее глубокого страха, по животу разлилось обжигающее, упрямое, непокорное драконье тепло, согревающее заледневшие пальцы рук.

«Мы обязательно справимся», — мысленно шепнула она ему, но в ее собственном сознании не было ни капли прежней уверенности. Кого она пыталась обмануть? Она ужасно, до одури боялась. Боялась, что не сможет стать хорошей матерью. Боялась, что банально не прокормит его. Боялась, что однажды он посмотрит на нее ясными глазами цвета расплавленного золота — глазами Истинного Рейнара — и спросит, почему они живут в этой смрадной грязи.

И что она ему скажет? *«Твой великий отец вышвырнул меня за порог, потому что решил, что я его цинично использовала»?*

— Три серебра, — безошибочно констатировал Гаррет,

приоткрыв один глаз и верно оценив жалкий, одинокий звон монет в шкатулке. — Если пытаешься купить весь Межгород, хозяйка, тебе не хватает еще пары груженных телег. Если пытаешься просто дожить до конца недели — тоже.

— Это совершенно не ваше дело, — Элиана захлопнула шкатулку с такой яростью, что старая деревяшка жалобно хрустнула по шву. — Лежите тихо и экономьте кислород.

Гаррет издал глухой звук, средний между ироничным смешком и болезненным стоном. Он попытался приподняться на здоровом локте, но тут же мертвенно побледнел и с глухим стуком откинулся обратно на влажную подушку.

— Какая упрямая ушастая гордячка, — просипел он, переводя дух. — Послушай меня внимательно. В моем правом сапоге. Там, под стелькой. Там есть тайник.

Элиана замерла, так и не отпустив крышку шкатулки. Она медленно, недоверчиво повернулась к кушетке.

— Что?

— Мои сбережения, — наемник болезненно скривился, но смотрел на нее прямо, своим колючим, пронизывающим стальным взглядом. — Я как раз шел с очень хорошего, жирного заказа, когда эти ублюдки в переулке решили меня подрезать. Там десять полновесных серебряных и пара золотых. Возьми оттуда сколько нужно.

Элиана опешила, словно ее ударили обухом по голове. В безжалостном Межгороде никто и никогда не отдавал свои деньги добровольно. Тем более — первому встречному. Тем

более — все свои кровные сбережения.

— Зачем вы мне это говорите? — она подозрительно прищурилась, инстинктивно делая шаг назад к стене. — Вы меня совсем не знаете. Я могла бы просто перерезать вам горло скальпелем во сне и забрать все до последней монеты.

Гаррет слабо, но искренне улыбнулся, обнажив крепкие, чуть неровные от драк зубы.

— Если бы ты действительно хотела перерезать мне глотку, ты бы не стала тащить мою тушу в дом, рискуя надорвать спину и навредить ребенку. Ты бы просто оставила меня подыхать в снегу. Ты спасла мне жизнь. А в моем личном кодексе, как ни странно, это еще кое-что значит. Так что тащи сюда сапог. Иначе нас обоих уже завтра утром вышвырнут на мороз твои кредиторы, а я, знаешь ли, слишком стар для ночевки в сугробе с пробитыми легкими.

Элиана несколько долгих секунд ожесточенно боролась сама с собой. Врожденная гордость, кропотливо воспитанная в снобистском Серебряном лесу, и уязвленное достоинство бывшей королевы Юга вопили, что брать подачки у грязного уличного наемника — это высшая степень унижения. Но холодный, звериный инстинкт выживания матери-одиночки безжалостно, одним ударом заткнул им рты.

Она несмело подошла к брошенным у самого порога тяжелым, подкованным железом кожаным сапогам Гаррета. Осторожно подцепила правый двумя пальцами, брезгливо вытянув руку и стараясь дышать исключительно через рот.

— Свет Праматери... — Элиана невольно сморщила аккуратный носик. Обостренное эльфийское обоняние на этот раз сыграло с ней злую шутку. — Гаррет, скажите мне честно, вы в этих сапогах хоронили умерших от чумы гоблинов? Или просто годами вымачивали их в тухлой болотной жиже?

— Это запах тяжелого мужского труда и честного заработка, хозяйка, — хрипло хохотнул наемник, но тут же схватился свободной рукой за пробитые ребра с громким, болезненным шипением. — Не придирайся. Монеты не пахнут.

Она поглубже вдохнула чистый воздух, залезла рукой внутрь и вытащила из-под грубой, свалывшейся кожаной стельки небольшой, но увесистый холщовый мешочек. Развязав тесемку, Элиана увидела тусклый, завораживающий блеск. Десять серебряных и два золотых. Ровно столько, чтобы безбедно оплатить два месяца аренды, купить целую повозку сухих дров, плотную зимнюю ткань для пеленок и, может быть, даже позволить себе немного свежего мяса на рынке.

Ее тонкие пальцы предательски задрожали. Колоссальное, нечеловеческое напряжение, стальным корсетом сковывавшее ее грудь все последние тяжелые дни, внезапно с треском лопнуло. Она крепко, до побеления костяшек сжала спасительный мешочек, прижав его к груди, и, не в силах больше стоять, опустилась на колени прямо там, на доски посреди комнаты.

Элиана категорически не собиралась плакать. Она дала

себе клятву и запретила слезы еще в тот самый день, когда Рейнар вышвырнул ее за ворота Драконьего Пика. Но сейчас, глядя на этот источающий зловоние, перепачканный в грязи и крови чужой сапог, сжимая в руках чужие монеты, она почувствовала, как по ее бледным щекам безостановочно текут горячие, соленые капли.

Это были слезы невыносимого, абсолютно абсурдного облегчения. Долгожданное спасение пришло не от благородного лорда в сияющих доспехах и не от всемогущего дракона, а от израненного, циничного бродяги в провонявшей коже. Этот мир был невыносимо смешон и до жути непредсказуем.

Гаррет тактично не стал отворачиваться, но и не проронил ни единой утешительной банальности. Он просто молча, с пониманием смотрел, как мелко вздрагивают ее хрупкие плечи под грубой серой шалью, давая ей законное право выплеснуть накопившийся яд многомесячной усталости.

В этот самый момент в дубовую дверь тяжело, по-хозяйски бесцеремонно забарабанили.

— Эй, травница! — раздался с морозной улицы зычный, скрипучий бас гнома Торвальда, сопровождаемый стуком его тяжелого посоха. — Открывай давай! Время платить по счетам!

Элиана вздрогнула и быстро, жестко вытерла мокрые щеки тыльной стороной ладони. Она глубоко вдохнула, расправляя поникшие плечи, и тут же почувствовала, как внутри нее снова отзывается, мягко вспыхивая, тепло крошечно-

го золотого пламени, придавая матери уверенности.

Она грациозно, забыв о боли в спине, поднялась на ноги, быстро отсчитала пять серебряных монет, а увесистый мешочек с остатком аккуратно и с уважением положила на столик рядом с изголовьем Гаррета.

— Я верну всё. До последней медной монеты, — твердо, с достоинством сказала она, глядя прямо в выцветшие стальные глаза наемника. — Как только выгодно продам свои зимние сборы на верхнем рынке.

— Даже не сомневаюсь в этом, ушастая, — криво усмехнулся Гаррет, устало прикрывая веки. — Иди уже, разберись с этим гномом. У него голос такой, будто он сейчас с голодухи проглотит наковальню.

Элиана подошла к двери, уверенным движением сдвинула тяжелый железный засов и решительно распахнула створку навстречу холодному утру. Впервые за долгие, мучительные месяцы изгнания она не чувствовала себя абсолютно, безнадежно и космически одинокой. В ее холодной, пропахшей травами лавке чудесным образом появился тот, кто, пусть и на время, разделил с ней неподъемное бремя выживания.

Это не было любовью, романтикой или великим предназначением. Это было нечто гораздо более важное для суровых реалий Межгорода — партнерство. Хрупкий, но надежный союз, рожденный из пролитой крови, нежданного долга и золотых искр, вспыхнувших в мертвом пепле.

Глава 2. Чай с привкусом стали.

Гном Торвальд стоял на пороге, напоминая нахохлившегося каменного голема, припорошенного колючим снегом. От его грубого суконного тулупа густо несло мокрой шерстью и перебродившим элем. Сизая борода, заплетенная в тугие, перехваченные тусклыми медными кольцами косички, топорщилась от мороза, а маленькие, глубоко посаженные глазки-бусинки подозрительно шарили по фигуре Элианы, настойчиво пытаясь заглянуть ей за спину, в спасительный полумрак лавки.

— Пять серебряных, травница, — проскрипел он, не утруждая себя даже кивком приветствия. Его голос походил на звук трущихся друг о друга мельничных жерновов. — И ни медяком меньше. Ходят слухи, что стража Верхнего яруса собирается повисить пошлину на торговлю в этом квартале, так что со следующего месяца...

— Со следующего месяца мы и обсудим следующий месяц, уважаемый Торвальд, — ровным, ледяным тоном перебила его Элиана. Страх неожиданно отступил, и в ее голосе, к её собственному удивлению, вдруг проснулись властные, звенящие интонации истинной хозяйки Драконьего Пика.

Она вытянула тонкую руку и с отчетливым, тяжелым звоном опустила пять полновесных серебряных монет в его широкую, шершавую ладонь.

Гном откровенно опешил. Он явно готовился к долгим, унижительным уговорам, эльфийским слезам и жалким просьбам об отсрочке. Торвальд недоверчиво покусал одну из монет желтоватыми зубами, удовлетворенно хмыкнул, почувствовав подлинный металл, но уходить почему-то не спешил. Его широкий, мясистый нос с шумом втянул морозный воздух.

— Кровью пахнет. И свежим железом, — гном сузил глаза. — Ты тут кого-то потрошишь, ушастая? Предупреждаю: если разведешь грязь или, не дай Праматерь, притащишь в мой дом криминал...

— Я целительница, Торвальд. Ко мне приходят с зияющими ранами, а не с букетами весенних фиалок, — не моргнув глазом, холодно ответила Элиана, мысленно молясь, чтобы Гаррет на кушетке не издал ни звука. — Подмастерье из мясной лавки неудачно рубанул тесаком по туше и глубоко зацепил собственное бедро. Если вас так смущает запах его крови, могу накапать вам настойки из корня валерианы и пустырника. Отлично успокаивает старческие нервы.

Гном возмущенно фыркнул, пробормотал себе под нос что-то крайне нелестное про слишком острые эльфийские языки, спрятал монеты в пузатый кожаный кошель на поясе и тяжело, оставляя глубокие следы, зашагал прочь по заснеженной, утопающей в сумерках улице.

Задвинув тяжелый железный засов, Элиана привалилась горячим лбом к холодному дереву двери и медленно, судорожно

рожно выдохнула. Сердце колотилось где-то в самом горле, отдаваясь пульсацией в висках.

— А ты умеешь складно врать, хозяйка, — внезапно разрезал тишину хриплый, надтреснутый голос Гаррета с кушетки. — «Мальчишка из мясной лавки». Трогательно. Только в следующий раз учти одну деталь: свиная кровь пахнет ржавчиной и грязью, а человеческая — медью и страхом. Гном, может, и не понял, но кто-то с более острым нюхом раскусит твою басню в два счета.

Элиана с трудом отлипла от спасительной двери, на ватных ногах подошла к столу и, наконец, позволила себе без сил опуститься на расшатанный стул.

— Если бы вы не истекали кровью на моем свежевывытом полу, я бы, возможно, придумала ложь поэлегантнее, — парировала она, устало потирая пульсирующие виски пальцами, всё ещё пахнущими антисептиком.

Она бросила взгляд на холщовый мешочек с оставшимся серебром, затем перевела глаза на наемника. Гаррет лежал расслабленно, его веки были закрыты, а дыхание стало тяжелым, но ровным. Смертельный жар, судя по испарине на лбу, начал спадать.

— Спасибо, — тихо, почти шепотом произнесла Элиана. К её собственному удивлению, это короткое слово далось ей поразительно легко. — За то, что не дали нас вышвырнуть в снег.

Гаррет не открыл глаз, лишь едва заметно, иронично дер-

нул уголком обветренных губ.

— Сочтемся, хозяйка. Просто постарайся не отравить меня своим горьким варевом до того, как я смогу уверенно встать на ноги.

В ту ночь Элиана впервые за долгое, мучительное время спала глубоко и без привычных тревожных сновидений о прошлом. Малыш внутри нее тоже затих, словно убаюканный мерным, тяжелым дыханием спящего в соседней комнате чужого мужчины — дыханием, которое парадоксальным образом наполняло стылую, продуваемую ветрами лавку забытым ощущением безопасности.

Зима в Межгороде не имела абсолютно ничего общего со сверкающими, хрустальными снегами и чистым воздухом Севера. Здесь она походила на грязную, промерзшую до костей уличную бродяжку, которая безжалостно кусает за обнаженные пальцы, плюется едкой угольной пылью и норовит забраться ледяными когтями прямо под воротник.

Прошло ровно три недели с той безумной ночи, как израненный Гаррет рухнул на порог лавки «Зеленый лист».

Элиана стояла у широкого стола, пытаясь рассортировать хрупкие стебли сушеного зверобоя, и тихо, сквозь стиснутые зубы ругалась на эльфийском. Её живот, который, казалось, за последние дни совершил немислимый скачок в размерах, неумолимо мешал дотянуться до дальнего края столешницы. Смещенный центр тяжести и ноющая боль в пояснице превращали некогда грациозную эльфийку в неуклюжую, мед-

лительную медведицу.

Раздался громкий скрип открываемой входной двери, и вместе с ним в полутемную каморку ворвался плотный клуб густого морозного пара.

Гаррет перешагнул порог, неся на левом, здоровом плече огромную охапку свеженаколотых березовых дров. Его правая рука, всё еще надежно зафиксированная в тугом лубке, покоилась на кожаной перевязи. Наемник сгрузил тяжелые поленья у печи с таким пугающим грохотом, что пара сухих пучков ромашки жалобно сорвалась с потолочной балки.

— Я же просила не хлопать дверью так сильно, — страдальчески вздохнула Элиана, упираясь ладонями в поясицу и с невероятным трудом разгибая затекшую спину. — От этого сотрясаются полки со склянками. И вообще, вам категорически нельзя поднимать тяжести! Внутренние швы только-только затянулись.

— Швы затянулись еще неделю назад, исключительно благодаря твоей чудодейственной мази, которая воняет так, словно в ней неделю назад сдох старый скунс, — невозмутимо отозвался Гаррет. Он привычно стряхнул налипший снег с тяжелых сапог и подошел к медному умывальнику. — А дрова сами себя не наколют. Если я буду целыми днями лежать на твоей скрипучей кушетке, как изнеженный столичный барон, мы тут замерзнем насмерть к утру.

Он щедро плеснул ледяной воды в лицо, фыркая и отфыркиваясь, как большой дикий кот. Элиана наблюдала за ним

со странным, щемящим чувством в груди.

По всем неписаным законам логики Межгорода, как только Гаррет смог уверенно встать на ноги, он должен был молча забрать остатки своих денег из тайника и бесследно исчезнуть в лабиринте грязных улиц. Но он остался. Сначала небрежно оправдывался тем, что на улице «слишком скользко для раненого колена». Потом — что ему жизненно необходимо убедиться, что те двое наемников из переулка не вернутся закончить начатое.

А теперь он просто, без лишних слов, взял на себя всю тяжелую физическую работу в лавке. Он колол упрямые дрова, таскал тяжелые ведра от обледенелого дворового колодца и одним своим мрачным, свирепым видом безотказно отпугивал от «Зеленого листа» мелких воришек, наглых стражников и местных пьянчуг.

Соседство с циничным наемником оказалось... пугающе комфортным. Гаррет никогда не лез в душу грязными сапогами, не задавал неудобных вопросов о её роскошном прошлом и ни разу не спросил, где носит отца её ребенка. Он был практичен до неприличия, прямолинеен и обладал весьма специфическим, мрачным чувством юмора, которое неожиданно стало для Элианы лучшим противоядием от накачивающей по вечерам черной меланхолии.

— У тебя молоко убежало, ушастая гордочка, — буднично заметил Гаррет, насухо вытирая мокрое лицо грубым вафельным полотенцем.

Элиана испуганно ахнула и неуклюже метнулась к раскаленной печи. В небольшом чугунном котелке действительно злобно шипело и пенилось драгоценное козье молоко с медом и имбирем, которое она бережно варила для себя. В панике схватившись за металлическую ручку котелка, она напроць забыла про прихватку.

Горячий металл жестоко обжег тонкую кожу пальцев.

— Ай! — вскрикнула она, рефлекторно отдергивая руку.

В ту же секунду резкий испуг и боль матери по невидимой связи передались нерожденному ребенку. Живот Элианы резко, болезненно свело фантомной судорогой, и из ее обожженных, покрасневших пальцев, абсолютно помимо ее воли, вырвался сноп ярких, ослепительно-золотых искр. Магический огонь с громким треском ударил в черную чугунную стенку печи, оставив на ней глубокий, оплавленный, пульсирующий светом след.

В маленькой лавке повисла мертвая, звенящая тишина. Только сбежавшее молоко предательски шипело, заливая раскаленные угли белой пеной.

Элиана в животном ужасе замерла, судорожно спрятав виноватые, дрожащие руки за спину. Сердце ухнуло куда-то в пятки, пробив пол. **Он увидел.** Теперь он точно всё понял.

Любой, даже самый необразованный житель континента прекрасно знал, кому принадлежит магия жидкого золотого пламени. Полукровки от Истинных драконов Юга стояли баснословных, немислимых денег на черном рынке. Наем-

ник, привыкший выживать за счет продажи своего клинка, просто не мог не понимать, какой колоссальный куш сейчас стоит перед ним в этом убогом подвале.

Гаррет медленно, очень медленно опустил полотенце. Его холодные стальные глаза скользнули от светящейся, оплавленной печи к смертельно побледневшему лицу Элианы, а затем — к ее выпирающему животу, который она инстинктивно пыталась закрыть локтями.

Воздух в комнате стал густым, тяжелым от повисшего напряжения. Элиана лихорадочно, с холодным расчетом загнанного зверя просчитывала, успеет ли она дотянуться до короткого костяного ножа, спрятанного под столешницей слева.

Наемник сделал два бесшумных шага к ней. Спокойно взял со стола забытую холщовую прихватку, неторопливо обмотал ею свою широкую здоровую ладонь и без малейшей суеты снял брызгающий шипящий котелок с огня, аккуратно поставив его на деревянную подставку.

— Знаешь, — нарушил он тяжелую тишину совершенно ровным, обыденным тоном, от которого хотелось плакать, — если твой пацан каждый раз будет устраивать такое фэ-ер-шоу, когда ты обжигаешь пальцы, нам придется разориться на качественную железную посуду. Эта дешевая глина долго не протянет.

Элиана часто заморгала, отказываясь верить собственным заостренным ушам.

— Вы... вы не спросите? — голос сорвался на жалкий писк.

— О чем? О том, почему беременная эльфийка прячется в клоповниках Межгорода и плюется настоящим драконьим огнем? — Гаррет усмехнулся, расслабленно прислонившись мощным бедром к столу и скрестив руки на груди. — Хозяйка, я наемник. Мое ремесло — махать куском железа за деньги, а не ковыряться грязными руками в чужих высокородных семейных драмах. Судя по тому, что ты выживаешь в этой промерзшей дыре, а не нежишься на шелках во дворце, папаша оказался тем еще беспросветным ублюдком. И судя по твоему лицу сейчас, ты боишься меня гораздо больше, чем его.

Он протянул ей теплую глиняную кружку со спасенным молоком.

— Выдохни и успокойся. Твои тайны — это только твои тайны. Я не торгую женщинами и не продаю детей. Даже если эти дети могут случайно спалить мне брови.

Элиана дрожащими, непослушными пальцами приняла кружку. Горячее молоко согревало озябшие ладони, но еще больше её заледеневшую душу согревали его простые слова. В этом грязном, жестоком мире, где родной клан готов был сжечь её на костре за бесчестье, а любимый мужчина вышвырнул на мороз, как предательницу, этот грубый наемник просто... **принял её**. Без условий. Без судов, морали и следствий.

— Спасибо, Гаррет, — прошептала она, глядя на белую пенку в кружке. На ее искусанных губах впервые за многие недели заиграла искренняя, робкая, но мягкая улыбка.

— Пей давай, мать драконов, — добродушно проворчал он, отводя взгляд, в котором на секунду промелькнуло что-то подозрительно похожее на мужское смущение. — И присядь уже. У тебя вид такой, будто ты сейчас рухнешь в обморок. Мне опять придется ловить тебя одной левой, а у меня, знаешь ли, спина не казенная.

Она послушно, чувствуя невероятную слабость в коленях, опустилась на табурет, делая спасительный маленький глоток. Сладкое козье молоко с жгучим имбирем почему-то отдавало едва уловимым привкусом стали, дыма и кожаной портупей — запахом человека, который внезапно, вопреки всякой логике, стал её единственным щитом в этом хаосе. И, странное дело, этот горьковатый привкус ей начинал безумно нравиться.

Гаррет тем временем деловито вооружился железной кочергой и принялся с силой соскребать со стенки печи черный нагар, оставленный драконьей искрой. Металл ритмично скрежетал о чугун, и этот грубый бытовой звук странным образом успокаивал, заземлял, возвращая Элиану в реальность.

— Элиана, если ты сейчас начнешь грызть грязные угли, я запрю тебя в подвале от греха подальше, — неожиданно раздался сухой, насмешливый голос наемника, прервав её водо-

ворот мыслей.

Она вздрогнула и поспешно, виновато отвела взгляд от открытой топки печи, чувствуя, как бледные щеки стремительно заливаются густой, жаркий румянец. Свет Праматери, он заметил! Она ведь действительно последние две минуты неотрывно, словно под гипнозом, пожирала глазами крупный, аппетитно хрустящий, подернутый сизым пеплом кусок древесного угля на самом краю решетки. И этот кусок казался ей... невероятно, умопомрачительно вкусным. Драконья натура её нерожденного сына бесстыдно, нагло брала свое, категорически требуя чистой углеродной диеты, и плевать она хотела на изысканные эльфийские кулинарные традиции.

— Я просто... проверяла, достаточно ли хорошо разгорелось пламя, — высокомерно вздернув острый подбородок, попыталась соврать Элиана.

Получилось до смешного неубедительно, особенно учитывая, что у нее судорожно дернулось горло — во рту за секунду скопилось столько слюны, словно перед ней лежал кусок лучшего марципана.

Гаррет тихо рассмеялся — низким, бархатным, рокочущим смехом, от которого у неё по спине пробежали странные, будоражащие щекочущие иголки. Он отставил кочергу в сторону, тяжело подошел к своей потертой куртке, висевшей у двери, и принялся копать в бездонном внутреннем кармане.

— Держи, — он небрежно бросил на чистый стол неболь-

шой, плотно завязанный суровой ниткой сверток из промасленной бумаги. — На прошлой неделе один старый, жадный гном-ювелир расплатился со мной за ночную охрану не нормальными деньгами, а спецпайком из своих личных кладовых. Там вяленое мясо горного яка, густо вымоченное в острой перечной эссенции. Гномы смеются, что от него у эльфов зубы крошатся, но, сдаётся мне, это как раз то, что прямо сейчас нужно твоему... маленькому огнедышащему поджигателю.

Элиана осторожно, кончиками пальцев развернула хрустящую бумагу. В нос немедленно ударил резкий, пряный, почти обжигающий слизистую аромат восточных специй и высушенного на ветру жесткого мяса. Её желудок издал такой отчетливый, громкий и требовательный урчащий звук, что скрывать голод дальше было просто унинительно.

Забыв про всякие аристократические приличия и эльфийский этикет, она жадно отломил кусок темно-бордового, жесткого как подошва сапога мяса и отправила в рот. Вкусовые рецепторы буквально взорвались восторгом. Адские специи огнем обожгли язык, а невероятно плотные волокна заставили челюсти работать с удвоенной силой, но это было именно то, чего её измученный токсикозом организм маниакально требовал последние три недели.

— О, Светлоликие Боги... — блаженно зажмурившись от острого удовольствия, выдохнула она, медленно, с наслаждением жуя. — Гаррет, вы абсолютно точно святой.

— Не произноси таких слов в приличных домах, хозяйка, а то у истинных святых на небесах нимбы потемнеют от икоты, — наемник ухмыльнулся, но в его прищуренных глазах, когда он смотрел на нее, с детским восторгом уплетающую огненное гномье мясо за обе щеки, появилось удивительно мягкое, почти нежное выражение.

Он сделал шаг ближе — гораздо ближе, чем обычно позволяла её строгая, невидимая эльфийская дистанция. Элиана замерла, даже перестав жевать. Гаррет медленно протянул свою огромную, покрытую шрамами руку и аккуратно, кончиками пальцев, едва касаясь, поправил край ее серой шерстяной шали, который сполз с плеча, обнажая тонкую, беззащитную шею. Его грубые мозоли, пахнувшие морозом и смолой, на долю секунды невесомо мазнули по ее теплой коже.

У Элианы мгновенно перехватило дыхание. Сердце сделало немислимый кульбит о ребра, и это совершенно точно не было паникой перед раскрытием её тайны. Это было давно забытое, трепетное и до одури пугающее чувство женской уязвимости перед спокойной мужской силой. Мужчиной, который не пытался казаться идеальным лордом, не плел сложных дворцовых интриг, а просто физически закрывал её собой от пронизывающего холода трупоб.

Гаррет, словно безошибочно считав её внутреннее замешательство, мгновенно убрал руку и сделал тактичный шаг назад, возвращая ей личное пространство. Но повисшее напряжение между ними никуда не исчезло; оно просто сгущи-

лось, кристаллизовалось, превратившись в нечто плотное и осязаемое.

— Ладно, с углями и гастрономией разобрались, — намник резко посерьезнел, тяжело присаживаясь на крепкий край стола. — Но давай начистоту, Элиана. Твой живот растет быстрее, чем цены на пресный хлеб на Нижнем рынке. Очень скоро скрывать это под широким плащом станет физически невозможно. Межгород — та еще выгребная яма, но даже здесь у каждой гнилой стены есть длинные уши.

Выстроенная годами психологическая броня, которую Элиана так тщательно и болезненно возводила вокруг себя, начала давать глубокие трещины. Животный, парализующий страх за жизнь ребенка, который она так упорно прятала на дне души, снова полез наружу липкими щупальцами.

— Я знаю, — глухо сказала она, опуская недопитую кружку на стол. Аппетит пропал. — Я умею принимать роды, Гаррет. В юности, в Серебряном лесу, я долго помогала верховным целительницам. Я справлюсь сама.

— Сама? — Гаррет скептически, почти издевательски выгнул шрамированную бровь. — Ты, конечно, очень сильная женщина, гордочка, это я успел заметить на своей шкуре. Но рожать ребенка, который уже сейчас внутри тебя греется драконьим пламенем, в одиночку? В грязном подвале? А если что-то пойдет не так? Тебе нужна опытная повитуха. Настоящая. И уж точно не те пьяные сифилисные кикиморы с Нижнего рынка, которые за пару медяков пуповину гнилы-

ми зубами перекусывают.

Элиана до хруста сжала кулаки. Он был чертовски прав. До ужаса, до тошноты и дрожи в коленях прав. Она могла виртуозно зашить наемника шелком, могла с закрытыми глазами сварить сложнейшее лечебное зелье, но сама мысль о том, что произойдет в момент, когда придет время рожать полуэльфа-полудракона, приводила её в слепой ужас. Что, если малыш при рождении случайно сожжет эту тесную каморку дотла? Что, если его чистая первородная магия вырвется наружу мощным всплеском и привлечет магических ищек Рейнара или, что еще страшнее, синдикаты контрабандистов?

— В Межгороде нет целителей, которым я могу доверить эту тайну, — ее голос предательски дрогнул. — Здесь абсолютно всё продается и покупается. За информацию о таком необычном ребенке любой местный лекарь с радостью сдаст меня Магическому Консилиуму или работорговцам в тот же вечер.

Гаррет помолчал, задумчиво разглядывая свои сбитые в кровь костяшки пальцев. Затем медленно поднял взгляд на нее — прямой, тяжелый, непоколебимо вселяющий уверенность.

— *Любой* — да. Сдаст и не подавится. Но только не тот, кого знаю я. Есть тут на примете один старый хрыч... Официально он тихо чинит обувь в каморке на Верхнем ярусе, а неофициально — бывший главный алхимик и полевой ле-

карь одного очень серьезного подпольного синдиката. Этот ублюдок зашивал меня столько раз, что на мне буквально живого места нет. Старик невероятно циничен, постоянно ворчлив, пьет не просыхая как портовая лошадь, но у него есть два неоспоримых достоинства: он абсолютный гений в анатомии и он свято хранит кровавые тайны своих клиентов. Просто потому, что мертвые клиенты не платят золотом, а живые — умеют быть весьма благодарными.

Элиана во все глаза посмотрела на наемника. Ей безумно, до боли в ребрах хотелось верить ему. Её измученная душа, смертельно уставшая от вечного выживания, одиночества и предательств, отчаянно, как утопающий за соломинку, цеплялась за эту грубую протянутую руку помощи.

— И сколько же стоят деликатные услуги этого... сапожника-алхимика? — спросила она с легкой, нервной иронией, пытаясь скрыть нахлынувшие слезы облегчения.

Гаррет хмыкнул и задумчиво потер заросший щетиной подбородок здоровой рукой.

— Для случайных людей с улицы — целое состояние. Но для меня у него припасен один очень старый, невыплаченный должок. Я однажды чудом вытащил его тощую задницу из петли, когда он по глупости перешел дорогу местному криминальному барону. Так что он примет тебя. И роды примет в лучшем виде, даже если твой малец решит появиться на свет сразу в золотой короне, с чешуей и перепончатыми крыльями.

Элиана не выдержала. Она искренне, звонко прыснула, живо представив эту абсурдную картину. Темное напряжение окончательно спало, растворившись в воздухе и сменившись мягким, долгожданным домашним уютом.

— Спасибо, Гаррет, — совершенно искренне сказала она, отламывая еще один кусочек пропитанного специями мяса. — Я правда не знаю, что бы я сейчас делала без ваших... сапог, криминальных долгов и непробиваемого цинизма.

— Скорее всего, сидела бы сейчас на холодном полу и со слезами на глазах с хрустом догрызала кусок антрацита, — невозмутимо парировал наемник, тяжело поднимаясь со стола и возвращаясь к раскиданным дровам. — Ладно, хозяйка, доедай свой деликатес и не отвлекай меня. У нас еще куча дел. Зима только начинается, а Межгород никогда не прощает ленивых.

Он снова ритмично принялся за работу, укладывая поленья, а Элиана сидела неподвижно, грея тонкие руки о глиняную кружку. Впервые за долгое время она поймала себя на мысли, что этот серый, жестокий и удушливый город за замерзшим окном больше не кажется ей таким уж ледяным и безнадежным. В холодном пепле её разрушенной прошлой жизни определенно разгоралась новая, совершенно непредсказуемая, но такая теплая искра.

Глава 3. Верхний ярус и анатомия доверия.

Зима вцепилась в Межгород ледяными когтями, покрывающая город серой, прокопченной изморозью, но впервые с того проклятого дня, как Элиана бежала из Драконьего Пика, она не проваливалась в сон с парализующим страхом перед завтрашним днем.

В последующие две недели лавка «Зеленый лист» претерпела незаметные, но жизненно важные изменения. В углах под потолком больше не скапливался серебристый иней, тяжелые дверные петли перестали мерзко и жалобно скрипеть на ветру — Гаррет заботливо смазал их густым машинным маслом, выменянным у механиков на рынке. Привычный запах горьких целебных трав, пыли и одиночества теперь густо смешался с ароматами терпкого вишневого табака, сухих березовых дров и того самого перечного гномьего мяса, которое наемник теперь добывал с завидной, почти пугающей регулярностью.

Его сломанная рука почти зажила. И хотя Гаррет по-прежнему инстинктивно берег предплечье, стараясь не перегружать кость, потертые ножны с тяжелым, широким двуручным мечом снова заняли свое привычное место на его бедре. По суровой логике улиц, теперь он был абсолютно свобо-

ден. Долг жизни уплачен сполна, смертельные раны залечены. Но каждый вечер, когда сумерки сгущались над Нижним рынком, он молча, без лишних слов задвигал тяжелый железный засов на двери лавки, небрежно расстилал свой походный плащ на скрипучей кушетке и... оставался. А Элиана... Элиана больше не спрашивала, почему. Ей было до одури, до дрожи в пальцах страшно признаться самой себе, что она отчаянно нуждается в том, чтобы этот угрюмый мужчина никуда не уходил.

К тому же, её «положение» стремительно перешло в ту стадию, когда игнорировать его стало физически невозможно. Крошечный полудракон под сердцем рос не по дням, а по часам, безжалостно вытягивая из матери силы и диктуя свои жесткие условия выживания.

— Если ты наденешь это, первый же патруль городской стражи решит, что мы угнали боевой дирижабль и теперь пытаемся вынести его под одеждой.

Гаррет критически, прищутив стальные глаза, оглядел Элиану. Она стояла посреди комнаты, закусив губу, и безуспешно пыталась стянуть на заметно округлившемся животе края своего некогда просторного, а теперь безнадежно тесного темно-синего шерстяного плаща.

Она раздраженно, со свистом выдохнула, сдув со взмокшего лба выбившуюся белоснежную прядь.

— У меня просто нет других теплых вещей, Гаррет. А на улице минус пятнадцать и метет снежная крупа. Если мы

действительно идем к твоему хваленому подпольному лекарю сегодня, мне придется идти в этом. Либо я остаюсь дома.

— Дома ты не останешься. Срок неумолимо подходит, а я совершенно не собираюсь принимать роды, вооружившись только ржавой кочергой и расплывчатыми инструкциями из эльфийского фольклора, — жестко отрезал наемник.

Он тяжелым шагом подошел к своему походному вещмешку, брошенному у сундука, порылся в его недрах и с глухим кряхтением выудил на свет нечто огромное, бесформенное и устрашающе серое. Это был тяжеленный мужской тулуп из плотной, грубо валяной овечьей шерсти.

— Держи. Купил вчера вечером у слепого старьевщика на Южном рынке.

Элиана с глубоким сомнением посмотрела на вещь. Тулуп отвратительно пах нафталином, слежавшейся овчиной и крепким чужим табаком.

— Я в этом утону. И буду выглядеть как... как беременный пещерный тролль.

— Зато эта шкура надежно скроет твой выпирающий живот, острые уши и приметные волосы, — Гаррет подошел вплотную и, не спрашивая аристократического разрешения, набросил пудовый тулуп ей на хрупкие плечи. Под его колоссальным весом она едва не пошатнулась, но мужские руки привычно, мягко и надежно перехватили ее за локти, удерживая равновесие. — Троллей в Межгороде не трогают, ушастая. Троллей здесь боятся до икоты. А вот грациозная бе-

ременная эльфийка, бредущая по трущобам — это ходячая мишень с ценником на лбу.

Его суровое лицо оказалось совсем близко. Элиана могла в мельчайших подробностях разглядеть каждую морщинку вокруг его колючих глаз и тонкий, побелевший от мороза шрам, пересекающий бровь. От него пахло свежим снегом и спокойной, первобытной уверенностью. Сердце в груди предательски екнуло, сбившись с ритма, но она лишь покорно, пряча глаза, просунула руки в безразмерные рукава, которые пришлось подвернуть трижды, чтобы освободить кисти.

— Идем, тролль. Нам кровь из носа нужно успеть на Верхний ярус до вечерней смены караула.

Путь из прокопченных трущоб Нижнего рынка на Верхний ярус оказался сущим, изощренным кошмаром. Межгород строился вертикально: чем больше звонкого золота звенело в твоём кошельке, тем выше над ядовитым, удушливым смогом мануфактур ты жил. Лестницы, соединяющие ярусы, были грубо выбиты прямо в породе скалы. Узкие, обдуваемые всеми ветрами ступени давно покрылись толстой коркой черного льда, а пронизывающий северный ветер так и норовил сбить путников в бездну.

Элиана задыхалась. Горло саднило, легкие горели огнем, а во рту появился явственный металлический привкус крови. Ее замерзшие ноги в тяжелых зимних ботинках предательски скользили. На середине очередного бесконечного пролета она остановилась, без сил прижавшись спиной к обледе-

нелой каменной стене, и в отчаянии закрыла глаза.

— Всё. Я больше не могу, — прохрипела она, чувствуя, как на ресницах закипают и тут же замерзают злые, унижительные слезы полного бессилия. Бывшая королева гордого Юга не могла преодолеть жалкую городскую лестницу.

В ту же секунду она почувствовала, как сильная рука, не терпящая возражений, легла ей на талию прямо поверх грубого тулупа, а вторая твердо, как железный капкан, взяла за предплечье.

— Обопрись на меня, — голос Гаррета сквозь завывания вьюги звучал низко и на удивление бережно. — Давай. Я понесу часть твоего веса. Не думай о вершине, ушастая. Смотри только на следующую ступеньку под ногами. Только на одну.

Он плотно прижал ее к своему боку, своим широким телом практически полностью закрывая хрупкую эльфийку от секущего ледяного ветра. От его мускулистого тела сквозь слои одежды исходил такой одуряющий жар, что Элиана невольно, инстинктивно подалась ближе, жадно вдыхая его запах. Это было невыносимо унижительно — быть такой слабой, такой зависимой. Но в то же время... в этом крылось какое-то извращенное, пугающе сладкое облегчение. Впервые в ее долгой жизни ей не нужно было *казаться* сильной. Ей наконец-то разрешили просто опереться на чье-то плечо.

И крошечный огнедышащий дракон внутри, словно безошибочно почувствовав этот непробиваемый внешний щит,

тоже успокоился, перестав беспокойно колотить острыми пяточками по ее натруженным ребрам. На удивление, малыш вообще феноменально реагировал на Гаррета. Стоило наемнику заговорить своим хриплым, рокочущим басом в стенах лавки, как ребенок мгновенно затихал, словно прислушиваясь к голосу вожака.

Преодолев последний, самый крутой подъем, они оказались на узкой, вымощенной ровной брусчаткой улице Верхнего яруса. Здесь почти не было удушливой угольной копоти, стеклянные газовые фонари горели ровным желтым светом, а редкие, спешащие по делам прохожие кутались в дорогие соболиные меха. Гаррет, ни на секунду не отпуская ее локтя, уверенно свернул в глухой, темный тупик, где между двух каменных стен втиснулась крошечная, скрипящая на ветру вывеска: *«Ремонт обуви. Мастер Игнациус»*.

Наемник без стука толкнул тяжелую дубовую дверь.

Вместо ожидаемого, привычного запаха выделанной кожи, воска и гуталина, в нос Элиане немедленно ударил резкий, до тошноты знакомый алхимический коктейль: аромат ядовитого формалина, чистого спирта, толченого корня мандрагоры и едкой жженой серы.

За низким прилавком, хаотично заваленным старыми ботинками и колодками, никого не было. Но из задней комнаты, отделенной от зала плотной, выцветшей бордовой шторой, доносилось недовольное старческое бормотание и мерное бульканье закипающей жидкости.

— Игнациус, старый ты хрыч! — громогласно рывкнул Гаррет, мощно стряхивая снег с сапог на чистый деревянный пол. — Вылезай из своей норы. Я привел тебе сложную пациентку.

Бордовая штора нервно, с треском дернулась. На пороге появился сухонький, сгорбленный, как старый ворон, человек неопределенного возраста. На его остром носу криво сидели тяжелые латунные очки с многослойными увеличительными линзами, а поверх заляпанного кислотами кожного фартука болтался массивный золотой медальон. Элиана узнала его мгновенно, и внутри все похолодело — знак Высшего Магического Консилиума.

Старик подозрительно прищурился, разглядывая огромного наемника и бесформенную, закутанную фигуру в сером тулупе рядом с ним.

— Гаррет, паршивец ты этакий, — проскрипел Игнациус голосом, до боли похожим на звук треснувшего под сапогом стекла. — Я же русским языком просил не таскать ко мне в лабораторию портовых девок с дурными болезнями. Я, если ты забыл, больше по извлечению пуль и зашиванию ножевых.

— Она не портовая девка, — голос Гаррета внезапно потерял всякую насмешливость и стал опасно тихим, звенящим, как медленно обнажаемый из ножен клинок. Он едва заметным движением чуть задвинул Элиану себе за спину. — И если ты, старик, еще раз назовешь ее так, я заставлю тебя

сожрать твои драгоценные очки, не жуя.

Алхимик поперхнулся воздухом, явно не ожидая такой смертоносной реакции от обычно циничного и непробиваемого наемника. Он суетливо поправил линзы на носу и сделал осторожный шаг вперед, вглядываясь в бледное лицо Элианы, которое та как раз освободила от тяжелого, душно-го капюшона.

Серебряные волосы сияющим водопадом рассыпались по плечам, а тонкие, безупречные эльфийские черты лица, несмотря на крайнюю усталость, впалые щеки и залегли глубокие тени под глазами, хранили несмываемую печать древней аристократии. Но вовсе не её неземная красота заставила старого алхимика потрясенно открыть рот.

Его взгляд, усиленный магическими линзами, упал на живот Элианы. Под расстегнутым тулупом ткань ее синего платья слегка натянулась, и именно в этот, самый неподходящий момент, крошечный дракон внутри решил проявить свой буйный характер. По животу матери пробежала слабая, но абсолютно отчетливая волна теплого, пульсирующего золотистого света, жутковато просвечивающая прямо сквозь плотную ткань.

Игнациус мертвенно побледнел, теряя остатки красок, и медленно, словно у него подкосились колени, осел на ближайший табурет, мимоходом смахнув на пол пару чьих-то дорогих сапог.

— Матерь всех Светлоликих Богов... — в ужасе прошеп-

тал он, снимая и протирая очки трясущимися, пятнистыми руками. — Высшая эльфийка... вынашивающая дитя Истинного дракона. Гаррет, мать твою за ногу... кого ты притащил в мой дом?! За это нас всех не просто убьют в подворотне, нас официально сотрут в радиоактивный порошок!

— Сотрут в порошок, только если об этом узнают, — хладнокровно, словно констатируя погоду, поправил его Гаррет, не сдвинувшись с места ни на миллиметр. Он возвышался над съезжившимся лекарем, как непреодолимая гранитная скала. — А чтобы они не узнали, ты прямо сейчас закроешь свой рот, перестанешь трястись, как осиновый лист на ветру, и просто сделаешь свою гребаную работу.

— Свою работу?! — истерично взвизгнул Игнациус, вскакивая и размахивая руками так бурно, что едва не снес со стола пузатую колбу с мутной зеленой кислотой. — Моя работа — аккуратно штопать бандитам выпущенные кишки и выводить тяжелые яды из крови богатеньких идиотов с Верхнего яруса! А это... это ходячая, пульсирующая магическая аномалия высшего порядка! Если ищейки Высшего Консилиума... или, не дай Свет, сами Истинные драконы Юга засекут этот всплеск ауры... Они дотла выжгут весь Межгород вместе с нами! Гаррет, тупой ты кусок мяса, ты хоть примерно понимаешь, сколько миллионов стоит голова этой женщины на черном аукционе?!

— **Понимаю. Именно поэтому она находится под моей личной защитой,** — тон наемника стал таким невы-

носимо тяжелым и ледяным, что, казалось, температура в комнате мгновенно упала еще на пару градусов. Свободная, мозолистая рука Гаррета небрежно, но многозначительно легла на крестовину меча. Это был даже не жест открытой угрозы, а просто констатация неизбежного факта. — Ты забываешь, старик, чья седая голова ровно три года назад стояла на рынке ничуть не меньше. И кто именно ночью снял тебя с мясного крюка в подвалах Барона. Ты должен мне свою жизнь. И сегодня я пришел за своим долгом.

Игнациус побледнел еще сильнее, его острый кадык нервно дернулся с громким щелчком. Он переводил затравленный, мечущийся взгляд с широкой груди наемника на Элиану, которая до этого момента молча, словно статуя, наблюдала за этой эмоциональной сценой.

Ее сердце билось заполошно, как птица в клетке, но внешне она оставалась пугающе спокойной. Истинная внутренняя королева, которую она так старательно, слой за слоем хоронила под пеплом страха, нищеты и грязи Межгорода, вдруг величественно расправила плечи.

Элиана сделала плавный шаг вперед, мягким, но непрекращаемым жестом отстранив широкую спину Гаррета. Тяжелый серый тулуп с шорохом соскользнул с ее плеч на подставленные руки наемника, обнажая изящную, хрупкую, несмотря на беременность, фигуру в потертом синем платье.

— Вы боитесь, мастер Игнациус. И это абсолютно разумно, — ее голос зазвучал не как у испуганной, замерзшей бе-

женки из трущоб, а ровно, кристально чисто и властно — именно так, как она когда-то говорила с непокорными послами в тронном зале Драконьего Пика. — Мой нерожденный ребенок — прямая угроза вашему устоявшемуся спокойствию. Если вы сейчас откажетесь, мы просто развернемся и уйдем в метель. Я не стану принуждать вас шантажом или клинком моего спутника.

Гаррет крайне удивленно покосился на нее сверху вниз, но благоразумно промолчал, позволяя ей самой вести эту тонкую дипломатическую игру.

— Но если вы поможете мне пережить это, — продолжила Элиана, глядя прямо в выцветшие, спрятанные за толстыми стеклами глаза замершего старика, — я клянусь своей первородной кровью и древней магией Серебряного леса, что мое настоящее имя и истинное происхождение моего ребенка навсегда умрут вместе со мной. Вы ничем не рискуете, кроме нарушения формальной врачебной тайны. А я, в свою очередь, предельно щедро оплачу ваши исключительные услуги. Не прямо сейчас, но...

— Оплатите? — Игнациус нервно, лающим звуком хохотнул, поправляя вечно съезжающие очки. — Девочка, чтобы достойно оплатить риск прямой связи с Истинными драконами, тебе придется подарить мне личную алмазную шахту.

— Шахты у нас, увы, при себе нет, — грубо встрял Гаррет, мрачно усмехнувшись уголком рта. — Но у меня в кошельке есть два полновесных золотых, десятков серебряных монет. И

мое нерушимое слово, что если к тебе когда-нибудь сунутся ищейки Консилиума, я лично, своими руками перережу им глотки до того, как они успеют дойти до твоего порога.

Старый, умудренный жизнью лекарь очень долго, не мигая смотрел на эту странную, невозможную пару. На сурового, изрезанного шрамами уличного наемника, который почему-то готов был не задумываясь умереть за эту беглую эльфийку. И на саму гордую эльфийку, в глазах которой сейчас светилась такая древняя, неукротимая, первобытная сила защищающей свое дитя матери, что спорить с ней казалось полным кощунством.

Наконец, Игнациус сдался. Он тяжело, со свистом вздохнул, и его напряженные плечи обреченно поникли. Панический страх в его глазах медленно, но верно сменился тем пороком, что всегда губил самых великих ученых — непреодолимым, жгучим профессиональным любопытством.

— Проклятый ты наемник, — беззлобно, по-стариковски пробурчал он, разворачиваясь к лаборатории. — Однажды твоя внезапная благородная дурь точно сведет нас всех в сырую могилу. Проходите за ширму, ваше упрямое высочество. Посмотрим, какого огнедышащего монстра вы там выращиваете.

Мрачный кабинет за бархатной шторой напоминал жуткую помесь средневековой пыточной камеры и тайной лаборатории сумасшедшего алхимика. Здесь удушливо пахло едким йодом, сушеными внутренностями и чем-то неуловимо

сладковато-гнилостным.

Элиана, стараясь не смотреть на заспиртованные органы в банках, послушно легла на жесткую кожаную кушетку, застеленную чистой, хоть и многократно застиранной льняной простыней. Гаррет несокрушимой скалой встал у самого изголовья, скрестив мощные руки на груди. Он не сводил тяжелого, внимательного взгляда со старика, словно верный сторожевой пес, готовый разорвать любого за одно неверное движение.

Игнациус деловито закатал рукава заляпанного реактивами фартука до локтей, закрыл глаза, сосредотачиваясь, и занес сухие, покрытые пигментными пятнами ладони над животом Элианы. С его скрюченных пальцев с тихим гулом сорвалось мягкое, пульсирующее голубоватое свечение поисковой медицинской магии.

Но как только холодная магия лекаря коснулась ее живота, внутри Элианы мгновенно вспыхнул мощный ответный жар. Обжигающее золотое сияние драконьей крови агрессивно столкнулось с чужеродным заклинанием, выдав яркий сноп крошечных искр, которые болезненно, как осы, кольнули старика прямо по пальцам.

— Ай, черт подери! — Игнациус с руганью отдернул руки, но его глаза за толстыми линзами вспыхнули настоящим маниакальным восторгом ученого. — Поразительно... Невероятно! Какая агрессивная, доминирующая, чистая сила! Вашему сроку около шести полных месяцев, я прав?

— Пять с половиной, — тихо, затаив дыхание, ответила Элиана.

— Плод развивается гораздо быстрее обычного стандарта. Драконья кровь полностью подавляет эльфийские гены. Он... или она... — лекарь глубоко нахмурился, вглядываясь в сложные магические сплетения ауры над животом. — Это мальчик. И, Свет Праматери милосердный, у него уже сейчас всюю формируется собственный очаг внутреннего пламени!

Элиана судорожно, со всхлипом выдохнула, инстинктивно, защитным жестом накрывая живот обеими ладонями. Мальчик. У нее будет сын.

— Это опасно? — хрипло, подавшись всем корпусом вперед, спросил Гаррет.

— Для самого ребенка? Нисколько. Он абсолютно, пугающе здоров и силен. А вот для матери... — Игнациус перевел строгий, профессиональный взгляд поверх очков на Элиану. — Девочка моя, ты вынашиваешь миниатюрный, действующий вулкан. Формирующемуся драконьему плоду нужно колоссальное, нечеловеческое количество тепловой энергии и минералов. Если ты не будешь кормить его правильно и в избытке, он просто, следуя инстинкту выживания, начнет вытягивать жизненные силы прямо из твоих костей и органов. Отсюда, держу пари на свой диплом, у вас дикая утренняя усталость, ломкость волос, крошащиеся зубы и... весьма специфические, странные вкусовые пристрастия? Тя-

нет, признавайтесь, погрызть строительный мел, древесный уголь или, может, сырое кровавое мясо?

Гаррет издал короткий, насмешливый смешок, но тут же подавил его под возмущенным, испепеляющим взглядом эльфийки.

— Она вчера от голода чуть кусок антрацита из печи не сжевала, — хладнокровно сдал ее наемник со всеми потрохами.

— Типичная картина патологии, — глубокомысленно кивнул лекарь. — Ваш нежный эльфийский организм физически не справляется. Эльфийская физиология слишком утонченна и хрупка для вынашивания такой звериной мощи. Вам жизненно необходимо есть красное мясо килограммами, добавлять в пищу костную муку и сильные препараты железа. Иначе к моменту начала схваток вы просто рассылетесь в прах прямо на родильном столе.

Элиане стало по-настоящему страшно. Могильный холод липкими, мерзкими щупальцами пополз по позвоночнику. Она не боялась героической смерти в открытом бою, но умереть вот так, истощенной, так и не подержав долгожданного сына на руках...

— А сами роды? — она заставила себя сглотнуть ком в горле и задать самый главный, самый страшный вопрос.

Игнациус медленно снял очки и бесконечно устало потер пальцами переносицу.

— Буду с вами предельно честен, ваше высочество. Это

будет крошечный ад. Истинные драконы рождаются в огне. Не метафорически, а *буквально*. Когда у вас начнутся активные схватки, температура вашего тела неминуемо поднимется до критической, смертельной для эльфа отметки. Если я не успею вовремя ввести вам в вену сильнейший алхимический хладагент, вы просто сгорите изнутри заживо. А если чудом и не сгорите, то ребенок при первом крике и появлении на свет может мощным выбросом энергии поджечь всё живое в радиусе пяти метров.

В тесном кабинете повисла тяжелая, гудящая тишина, прерываемая лишь бульканьем колб. Элиана закрыла глаза, чувствуя, как по бледной щеке катится одна-единственная, обжигающая слеза полного отчаяния. Все ее планы, вся ее упорная борьба, все унижения — все это было бессмысленно. Она физически не сможет родить его в своей деревянной, забитой сухими травами лавочке на Нижнем рынке. Они оба неминуемо погибнут в огне.

Внезапно на ее напряженное плечо легла большая, невероятная теплая и грубая мужская ладонь. Жесткие пальцы Гаррета слегка, ободряюще сжались, безмолвно передавая ей через прикосновение свою стальную уверенность.

— Что конкретно нужно для приготовления этого хладагента? — абсолютно спокойно, без единой тени паники в голосе спросил наемник.

— Свежая чешуя ледяного змея, кристаллизованные слезы горной гарпии и чистый экстракт синей лилии, — буркнул

Игнациус, водружая очки обратно на нос. — Это редчайшие, баснословно дорогие ингредиенты. В Межгороде их можно достать только на подпольном черном аукционе, и стоить это будет столько золота, что...

— Я достану, — ровно перебил его Гаррет.

Элиана резко распахнула влажные глаза и в шоке посмотрела на него.

— Гаррет, нет! Ты не можешь... Это безумные, огромные деньги. Ты и так уже...

— Я сказал, **я достану**, — он посмотрел на нее сверху вниз своим колючим, непроницаемым взглядом, от которого у нее мгновенно перехватило дыхание. В этом темном взгляде не было ни капли жалости, ни тени сомнений. Только твердая, непоколебимая, монолитная решимость человека, который принял окончательное решение и никогда не отступит. — Твое дело — выносить пацана живым и не жрать печные угли. Мое дело — решить эту проблему.

Он плавно повернулся к ошарашенному лекарю.

— Подготовь полный список всего, что нужно. Инструменты, обезболивающие зелья, специальные простыни из огнеупорного асбеста — пиши абсолютно всё. Я принесу эти чертовы ингредиенты ровно через месяц. А когда придет время, ты спустишься к нам в грязь на Нижний рынок и лично примешь эти гребаные огнеопасные роды.

Игнациус лишь обреченно, понимая, что спорить с танком бесполезно, махнул рукой, тихо бормоча себе под нос

проклятия о сумасшедших наемниках, самоубийцах и своей безвозвратно загубленной старости. Он молча потянулся к чернильнице за гусиным пером и куском пергамента.

Искры во тьме

Когда они, закончив дела, вышли из душной, пропахшей химикатами лаборатории обратно на морозную улицу Верхнего яруса, на город уже опустилась глухая ночь. Метель значительно усилилась, злобно завывая в подворотнях и безжалостно бросая в лица горсти колючего, ледяного снега.

Гаррет снова молча набросил на вздрагивающую Элиану тяжелый тулуп, привычным, почти собственническим жестом поправляя высокий меховой воротник, чтобы ей не дуло в открытую шею.

— Зачем ты все это делаешь? — тихо, с надрывом спросила она, не отрывая взгляда от того, как белые снежинки медленно тают на его темной щетине. — Зачем ты добровольно берешь на себя мои смертельные проблемы? Это совершенно не твоя война, Гаррет. Истинные драконы найдут и жестоко убьют тебя, если хоть что-то узнают.

Наемник замер на мгновение посреди заснеженной улицы. Он долго смотрел в ее огромные, полные искренней тревоги и непонимания эльфийские глаза. Затем тяжело вздохнул, выпустив облачко пара, и уголок его губ дрогнул в кривой, горькой усмешке.

— Знаешь, ушастая гордячка... Всю свою сознательную жизнь я убивал людей только за тех, кто платил мне звонким

золотом. Я охранял конченных ублюдков, защищал воров и служил тиранам, просто потому что мне было глубоко плевать на всё, кроме выживания. — Он сделал медленный шаг ближе, сокращая дистанцию, и его низкий голос почти потонул в диком завывании ветра. — Но когда я подышал, истекая кровью на грязном полу твоей лавки, а ты, рискуя собственной свободой и жизнью своего ребенка, упрямо промывала мои раны... Я впервые за тридцать лет подумал, что в этом паршивом, прогнившем мире всё-таки есть вещи, за которые стоит драться абсолютно бесплатно.

Он поднял руку без перчатки и аккуратно, едва касаясь, бережно провел шершавыми костяшками пальцев по ее покрасневшей от мороза, холодной щеке.

— Пошли домой, Элиана. Твоему вулкану нужен покой и отдых.

И Элиана, чувствуя, как под кожей мгновенно загораются щеки от его мимолетного, легкого прикосновения, поняла, что впервые в жизни назвала эту грязную, промерзшую насквозь деревянную лавку в трущобах тем же самым, забытым словом.

Дом.

Единственное место во всем огромном мире, где её действительно ждали.

Глава 4. Анатомия ожидания и костный бульон.

Обратный путь сквозь бешеную метель Нижнего рынка казался теперь не таким изматывающим, как бесконечное восхождение. Тяжелый, провонявший табаком тулуп давил на плечи, словно броня, а обледенелые, неровные ступени все так же норовили уйти из-под ног, угрожая падением в темноту. Но рука Гаррета, вцепившаяся в ее талию железной хваткой, превращала этот враждебный, замерзающий мир в простую полосу препятствий, которую они проходили сообща.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.